

IV. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(571.6)“1920/1924”

Б.С. Жигалов

О ХАРАКТЕРЕ И ЦЕЛЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920–1924 гг.

Показано, что характер и цели политики советской страны на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. определялись не идеями мировой революции или иными идеологическими догмами, а государственными интересами России, как их понимало тогдашнее советское руководство.

Ключевые слова: дальневосточная политика СССР, советско-китайские отношения, советско-японские отношения, КВЖД, Монголия.

После распада СССР и краха официальной идеологии марксизма-ленинизма в отечественной историографии и публицистике появилось немало работ, авторы которых утверждали, что «химеры» мировой революции определяли существо советской внешней политики, которая в силу этого была антинациональной. Правда, разброс мнений был значительным. Те, для кого СССР был «империей зла», писали о противоправности и аморальности советской внешней политики. Другие – их, пожалуй, было большинство – подходили к оценке внешнеполитических действий СССР более осторожно, отмечая «дуализм» этой политики, сочетание в ней национальных и интернациональных целей. Общим для тех и других было понимание о высокой степени идеологизированности внешней политики СССР. Так, авторы Введения к документальной публикации о деятельности ВКП(б) и Коминтерна в Китае утверждали: «Внешняя (и внутренняя) политика большевиков определялась целым комплексом утопических и противоречивых идей, среди которых господствовала идея мировой пролетарской (социалистической) революции» [1. С. 11]. Академик А.О. Чубарьян, который в 1990-е гг. утверждал, что «идея мировой революции» никогда не уходила из стратегии советских лидеров, в своей последней монографии формулирует свою мысль более осторожно. Признавая, что «идея распространения мировой революции всегда присутствовала в арсенале советской политики», он подчеркивает, что «постоянный дуализм идеологии интернационализма и реальных интересов... как правило, разрешался в пользу *real politic*» [2. С. 11].

Но авторы недавно изданной в Петербурге учебной книги по истории международных отношений утверждают, что Ленин «игнорировал национально-государственные интересы... Ни Ленин, ни его соратники не были озабочены государственными интересами самой России, рассматривая её лишь как плацдарм мировой революции» [3. С. 48]. В другом учебном пособии утверждается: «...мировая революция была для большевиков не абстрактным понятием, а насущной необходимостью. Поставив во главу угла

своей внешней политики борьбу за мировую революцию, Советское государство сделало ставку на подрыв Версальско-Вашингтонской системы» [4. С. 87, 466].

Л.Н. Нежинский в своей монографии с несколько претенциозным названием «В интересах народа или вопреки им?» дает своеобразную трактовку характера советской внешней политики. Он пишет: «...руководящий страной высший партийный «ареопаг» при решении тех или иных проблем (в том числе и в сфере международной политики) исходил не столько из общественно-государственных интересов страны, сколько из групповых интересов правящей элиты». По его мнению, интересы «партноменклатуры» определяли внешнюю политику [5. С. 322–323]. Правда, он не поясняет, в чем состояли эти интересы.

Иная точка зрения сводится, иногда с оговорками, к утверждению главенствующей роли государственных геополитических интересов страны. Н.А. Нарочницкая подчеркивала: внешняя политика СССР «уже в первые десятилетия не полностью подчинялась целям «мировой революции» и «рабочего движения», а обеспечивала и геополитические интересы» [6. С. 126]. По мнению В.А. Зубачевского, Политбюро ЦК РКП(б) «в определенные периоды склонялось к реальной политике» [7. С. 94]. Более категорично утверждение В.Н. Горохова, который писал: «...несмотря на устрашающие революционные декларации, приоритетная роль во внешнеполитической доктрине СССР отводилась геополитическим расчетам и соображениям реальной политики» [8. С. 190]. В этом же ключе высказывается Н. Капченко. Он констатирует: «Самой главной чертой внешнеполитической стратегии Сталина был радикальный пересмотр взглядов на мировую революцию и выработка стратегии превращения России в самодостаточную и мощную в военно-экономическом плане державу мира». Доминирующим у Сталина «было государственное начало» [9. С. 104]. Объясняя эту историографическую ситуацию, наличие диаметрально противоположных точек зрения на характер внешней политики СССР, А.О. Чубарьян пишет: «На историю переносились современные идейные столкновения, отражавшие в целом отношение ко всему советскому периоду и к сталинизму, особенно это сказывалось на оценке проблем советской внешней политики» [5. С. 15].

Характер и основные направления внешней политики любого государства определяются совокупностью разного рода факторов, среди которых присутствует и идеологический аспект. Любое государство имеет свою идеологию внешней политики. Имела ли какое-то значение идея мировой революции для определения сущности и направлений советской внешней политики? Безусловно. В первые годы после Октябрьской революции в руководстве большевистской партии были авторитетные люди, разделявшие идею мировой революции и считавшие, что события в России являются началом этого процесса. Достаточно вспомнить политическую борьбу в связи с заключением Брестского мира, советско-польской войной, попытками «подталкивания» революции в Германии и т.п. Но, сталкиваясь с реальной политикой, идея мировой революции – «продукт доктринальных раздумий», по выражению Л.Н. Нежинского, – не смогла стать основной внешнеполитической целью [10. С. 23].

Она осталась лишь в качестве идеологической и пропагандистской составляющей внешнеполитического курса правительства большевиков.

Уже первые опыты «поддержки» мировой революции оказались неудачными. Так, тягостное впечатление произвела в Москве «измена» лидера турецкой революции Кемалья. Его правительство было признано де-юре в июне 1920 г. и ему была оказана значительная по тому времени помощь в борьбе с «империализмом». Но Кемаль переметнулся на сторону Запада. По словам Л.М. Карахана, «обжегшись на турецком молоке», советское руководство с большим подозрением стало относиться ко всем просьбам из-за рубежа об оказании помощи [1. С. 375]. Двойственную природу характера внешней политики государства показывает в своей монографии философ Э.Я. Баталов. По его мнению, имеется виртуальная «внешняя политика, направленная на формирование имиджа государства, его информационно-пропагандистское обеспечение и реальная внешняя политика, скрытая, но отражающая национальные интересы. Эта последняя в значительной степени детерминируется геополитическими и экономическими факторами [11. С. 108].

В настоящей статье предпринята попытка показать, что лежало в основе советской дальневосточной политики в начале 1920-х гг.: национально-государственная идея или идеология мировой революции? Исследование именно в таком ракурсе важного регионального направления внешней политики РСФСР (СССР) обусловлено рядом факторов. Во-первых, в последние годы опубликованы новые документальные материалы, включая внутреннюю переписку НКВД. Во-вторых, фактическая сторона проблемы достаточно обстоятельно показана в монографиях и статьях отечественных авторов А.Ю. Сидорова, С.Г. Лузянина, Г.Н. Песковой и др. В-третьих, именно здесь, на Дальнем Востоке, имело место, пожалуй, в наиболее «чистом» виде столкновение двух концепций внешней политики – «революционной», представленной А.А. Иоффе, и «государственной», олицетворяемой Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом. Каждая из сторон доказывала свою правоту. И главное – мы имеем в этом споре вердикт высшей властной инстанции тогдашней Советской России – Политбюро ЦК РКП(б).

Хронологические рамки исследования – с весны 1920 г., когда было «положено начало нашей планомерной организационной работы в странах Дальнего Востока» [1. С. 48], и до мая 1924 г., когда были нормализованы отношения с Китаем.

Выработка курса дальневосточной политики начиналась в сложных условиях. Линии фронтов Гражданской войны сделали Дальний Восток действительно «дальним» для советского правительства. Потеря Москвой контроля над громадными восточными территориями, оказавшимися в руках белых «правительств» и интервентов, вызвала к жизни, по выражению Г.В.Чичерина, «декларационный этап» советской внешней политики. Иной не было. 26 августа 1919 г. в «Известиях» было опубликовано «Обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая», вызывающее до сих пор споры среди историков, в августе того же года было опубликовано также «Обращение к монгольскому народу и правительству Внешней Монголии», в сентябре – «Обращение к корейским

революционным организациям». Эти документы носили по определению пропагандистский характер.

После окончания Гражданской войны и разгрома иностранной военной интервенции на европейской территории Советской России главное внимание Москвы переключается на Дальний Восток. В силу территориальной оторванности Сибирско-дальневосточного региона от Центра и отсутствия надежных коммуникаций во внешней политике значительной была роль местных органов власти: Сиббюро ЦК РКП(б) в Омске во главе с И.Н. Смирновым, Дальбюро ЦК РКП(б), правительства ДВР, созданной в марте 1920 г., представительств Коминтерна в Иркутске и Владивостоке. Переговоры с японцами и китайцами на определенных этапах параллельно вели делегации РСФСР и ДВР. Местные властные органы нередко имели свое представление о том, что происходило на сопредельных зарубежных территориях. Все это порождало известные разночтения и путаницу.

Информация, поступавшая в Москву, была нередко противоречивой и приходила с большим запозданием. Политбюро и НКВД не всегда представляли реальное положение на Дальнем Востоке и не всегда адекватно реагировали на изменение ситуации. В свою очередь, с Дальнего Востока шли жалобы на противоречивость указаний и недостаток информации из Центра. А.А. Иоффе с горечью писал в Москву (январь 1923 г.): «Месяцами мы совершенно ничего не получали из Москвы, ни указаний, ни директив, ни даже серьезной информации газетного характера» [12. С. 169].

Дальневосточная политика Советского государства в начале 1920-х гг. сводилась конкретно к отношениям с Японией, Китаем и отчасти с США. После разгрома Колчака и занятия в марте 1920 г. Красной Армией Иркутска на первый план выходят проблемы отношений с Японией, которая продолжала оккупировать обширные территории русского Дальнего Востока – Забайкалье, Приамурье, Приморье, Северный Сахалин. Цели политики РСФСР в отношении Японии в эти годы были относительно просты и понятны – любыми средствами (исключая военные) добиться прекращения японской оккупации и вывода японских войск с территории всего русского Дальнего Востока. Дабы не допустить вооруженного конфликта с Японией, весной 1920 г. была создана буферная Дальневосточная республика, в состав которой была включена и полоса отчуждения КВЖД, где проживало значительное русское население. 17 июля 1920 г. между ДВР и Японией было подписано соглашение о перемирии. Японские власти в силу ряда внешне- и внутривосточных причин были вынуждены пойти на это.

Инструктируя министра иностранных дел ДВР И.Л. Юрина по поводу дальнейших переговоров с Японией, Г.В. Чичерин подчеркивал, что ЦК РКП(б) считает недопустимым идти на какие-либо уступки японцам, «пока они не заключили мира, не очистили территории ДВР, не выдали Семенова, не возобновили сношений с ДВР и с нами» [13. С. 17]. Несмотря на сложную ситуацию в Приморье и Приамурье, связанную с деятельностью контрреволюционных сил и стремлением японцев сохранить там свое присутствие, Москве и Чите удалось активно и умело использовать дипломатические методы достижения своих целей. Японии пришлось пойти на переговоры с ДВР на

Дайренской конференции (с 27 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г.) и на Чанчуньской конференции (сентябрь 1922 г.).

В Москве внимательно следили за ходом Вашингтонской конференции и делали ставку на углубление японо-американских противоречий. Позиция Японии на этой конференции была явно невыигрышной, поэтому Г.В. Чичерин в ноябре 1921 г. писал в Политбюро: «...все зависит от Вашингтона. Мы полагаем поэтому, что в Дайрене следует тянуть». Политбюро поддержало эту позицию наркома: «согласиться с предложением т. Чичерина, то есть максимально тянуть, стараясь выждать результатов Вашингтонской конференции» [13. С. 19, 21]. Вашингтонская конференция (ноябрь 1921 – февраль 1922 г.) завершилась дипломатическим поражением Японии (расторжение англо-японского союза, возвращение Шаньдуна Китаю, требование вывода японских войск с территории русского Дальнего Востока). В этих условиях тон советской стороны на переговорах с Японией становится более жестким. В июле 1922 г. Политбюро утвердило директивы А.А. Иоффе для дальнейших переговоров с Японией. В них, в частности, говорилось: «Категорически требовать эвакуации японских войск со всей территории РСФСР и ДВР. Без этого никаких соглашений... Стремясь к соглашению с Японией, не бояться, однако, разрыва, ибо последний не особенно опасен» [13. С. 54–55].

В конечном счете, Япония была вынуждена осенью 1922 г. вывести свои войска из Приморья. Продолжалась лишь оккупация Северного Сахалина. Но курс на недопущение военного столкновения с Японией сохранялся в дальневосточной политике Советского государства и в последующие годы. В октябре 1922 г., накануне вывода последних японских войск из Владивостока, Политбюро требовало: «Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейший шаг, способный втянуть нас в войну с Японией. В то же время усиленно стягивать наши войска к Владивостоку» [13. С. 141]. Год спустя, в марте 1923 г., Политбюро постановляет: «Отвергнуть все, что чревато опасностью интервенции со стороны Японии» [1. С. 206].

Таким образом, цели, поставленные в дальневосточной политике Советского государства в отношении Японии, были достигнуты политическими методами: в 1925 г. после вывода японских войск с Северного Сахалина были установлены дипломатические отношения между двумя странами. А.Ю. Сидоров, автор содержательной работы о советской дальневосточной политике, справедливо заключает свою монографию выводом, что в отношении Японии в те годы правительство СССР руководствовалось именно государственными интересами, добиваясь территориальной целостности страны. Этого удалось достичь без войны [14. С. 132]. Этот вывод сомнения не вызывает.

Но вызывают возражения выводы этого же автора касательно политики РСФСР/СССР в отношении Китая. А.Ю. Сидоров пишет: «Советская политика в Китае формировалась в духе идеологии революционного интернационализма, которая предполагала приоритет задач китайской революции, по сравнению с традиционными интересами России» [14. С. 132]. Если речь идет о начале 1920-х гг., то с этим согласиться нельзя. Забегая вперед, можно констатировать, что таким был подход А.А. Иоффе, но не высшего руководства страны. Примерно то же пишет А.В. Лукин: «Приоритетной целью политики как Советского государства, так и Коминтерна в Китае было стимулирование

там революции как составной части мировой революции, остальные задачи были подчинены ей» [15. С. 173]. В подтверждение этого тезиса автор прямо ссылается на высказывания А.А. Иоффе. Думается, что все было не совсем так. Политика Кремля в отношении Китая в начале 1920-х гг. была более реалистичной и приземленной.

Проблемы отношений с Китаем, нормализации советско-китайских отношений носили достаточно сложный характер. Это было обусловлено наличием тысячекилометровой практически малозащищенной границы, нахождением на территории Китая Унгерна, Семенова и других деятелей белого движения, негативным влиянием держав Антанты и США на политику пекинского правительства в отношении Советской России, нахождением самого Китая на грани распада. Поэтому разработке политики в отношении Китая придавалось особенно большое значение. «Китай находился в фокусе внимания советского руководства», – подчеркивают составители сборника документов о политике ВКП(б) и Коминтерна в Китае. Разработкой этой политики занимались Политбюро ЦК РКП(б), Китайская комиссия Политбюро, НКВД на уровне наркома и его первого заместителя.

На протяжении 1921–1924 гг. переговоры в Пекине вели три делегации РСФСР/СССР, возглавляемые соответственно А.К. Пайкесом, А.А. Иоффе и Л.М. Караханом. Наиболее драматический характер переговоры носили, когда их вел А.А. Иоффе (с августа 1922 г. по август 1923 г.), что объясняется не только их интенсивностью. Дело в том, что А.А. Иоффе, используя свой достаточно высокий статус в партийно-советской иерархии, претендовал на особую роль в определении курса всей дальневосточной политики. В декабре 1922 г. он писал первому заместителю наркома Л.М. Карахану: «Напоминая Вам Постановление ЦК о подчинении мне всей внешней политики на Дальнем Востоке, прошу никаких самостоятельных шагов не предпринимать». Пришлось Политбюро «поправить» А.А. Иоффе, так, в специальном решении было указано: «Руководство дальневосточной политикой ведется из Москвы НКВД...» [13. С. 152, 154].

Перед делегацией Иоффе была поставлена задача добиться установления дипломатических отношений между двумя странами, подписать торговый договор и соглашение о КВЖД. Правительство ДВР передало делегации РСФСР свои полномочия на ведение переговоров с Китаем и заключение соглашения. Главное требование – это признание РСФСР де-юре. Г.В. Чичерин писал А.А. Иоффе: «Это неременное условие соглашения... Нам некуда торопиться. Сидите себе в Пекине, распространяйте вокруг себя симпатии к Советской России, расширяйте ваши связи среди различных элементов китайского общества... Работа громадная. Связывайтесь с американцами, нащупывайте японцев, вглядывайтесь в мировые отношения... Ещё немного и Китай пойдет на признание нас де-юре» [16. С. 119, 120].

Не вдаваясь в детали и перипетии действительно большой переговорной работы, проведенной А.А. Иоффе в Китае, необходимо остановиться на принципиальном различии в его позиции и позиции руководства НКВД. На протяжении всего своего пребывания в Китае А.А. Иоффе отстаивал «революционный» подход к решению проблем отношений с Китаем. Сразу после прибытия в Китай он писал Л.М. Карахану (для Сталина): «Китай, бесспорно,

узел международных конфликтов и наиболее уязвимое место международного империализма» [1. С. 107]. Несколько месяцев спустя он направляет письмо руководству ЦК РКП(б) и Коминтерна, в котором подчеркивает: «...несмотря ни на какие события в Европе, Дальний Восток все же остается ахиллесовой пятой империализма. Как бы ни развернулись теперь события на Ближнем Востоке и в Европе, в будущем мировая история будет разрешаться все же здесь на Тихом океане, в Китае» [1. С. 197].

В ходе начавшихся советско-китайских переговоров выяснилось различное толкование сторонами «Обращения правительства РСФСР к народу Китая, правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. и аналогичной Декларации 1920 г. Китайская сторона настаивала, что Советская Россия по этим документам обещала вернуть КВЖД безвозмездно Китаю. А.А. Иоффе был с этим согласен. Но, как отмечал Г.В. Чичерин, «декларационный период» советской внешней политики закончился. К началу переговоров с Китаем А.А. Иоффе имел совершенно четкие инструкции на этот счет. 31 августа 1922 г. Политбюро направило А.А. Иоффе указание: «ЦК считает недопустимым выводить непосредственные директивы для переговоров с Китаем из общей декларации 1919–20 гг., на которую своевременно не последовал соответствующий ответ от Китая» [1. С. 109].

А.А. Иоффе возражал против такого подхода и направил 22 сентября 1922 г. письмо В.И. Ленину, в котором писал: «Можно эти декларации представить так, чтобы от них ничего не осталось. Но я полагаю, что это было бы гибелью нашей политики в Китае, ибо, став во внешней политике самыми обыкновенными империалистами, мы перестанем быть ферментом мировой революции... Перевод нашей внешней политики на «коммерческий расчет» был бы полным нашим крахом» [1. С. 110].

Своеобразным ответом на это обращение А.А. Иоффе явилось письмо ему Л.М. Карахана от 30 ноября 1922 г. Л.М. Карахан, отметив, что именно он был автором деклараций 1919 и 1920 гг., подчеркивал: «Несомненно, наша политика 22 года значительно отличается от политики 18–19 гг., отличается только тем, что наша политика сегодняшнего дня имеет менее декларативный характер, а больше деловой... Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, что каждая пядь Советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания, и мы без серьезной борьбы не можем уступить другим державам ни одного реального блага» [17. С. 49].

Платформа для переговоров с Китаем была сформулирована НКВД еще в августе 1922 г., следующим образом: «Правительство РСФСР, являясь после Октябрьской революции полным правопреемником всего комплекса международных правоотношений российского временного правительства и тем самым императорского правительства, наследует в этой области все права и обязанности бывших русских правительств... Все прежние договоры, заключенные между российским и китайским правительствами, действительны, как бы часто они за последнее время ни нарушались Китаем или третьими державами» [16. С. 119].

Начиная переговоры с Китаем, советская сторона стремилась к восстановлению в полном объеме равноправных дипломатических отношений. При

этом предполагалось: 1) сохранить контроль над Монголией, 2) восстановить свои права на КВЖД и 3) способствовать утверждению в Пекине правительства, лояльного к Советской России. Эти цели соответствовали геополитическим интересам российского государства.

Как известно, Внешняя Монголия считалась автономной частью Китая. Её статус был определен Трехсторонним соглашением в июне 1913 г. Но 23 ноября 1919 г. указом президента Китая автономия Внешней Монголии была ликвидирована. Это привело к резкому усилению в Монголии антикитайских настроений.

Вопрос о Монголии первыми поставили региональные лидеры Сибири. Уже в начале марта 1920 г. глава Сиббюро И.Н. Смирнов и представитель Коминтерна Б.З. Шумяцкий сообщили в Москву о своих планах создания независимой Монголии [12. С. 152]. В связи с действиями отрядов Р.Ф. Унгерна они же 25 февраля 1921 г. направили послание В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, в котором говорилось: «Теперь налицо благоприятные условия для закрепления нашего влияния в Монголии» [18. С. 205]. В марте 1921 г. в Иркутске было создано Временное революционное правительство Монголии. Разгромив в конце мая 1921 г. вторгнувшиеся в Забайкалье войска Р.Ф. Унгерна, вооруженные силы ДВР получили возможность преследовать их и на территории Монголии, против чего китайские власти не возражали. 16 июня 1921 г. Политбюро утвердило директиву о введении частей Красной Армии в Монголию [19. С. 112]. 7 июля 1921 г. советские войска вступили в Ургу, туда же перебрасовалось Революционное правительство Монголии.

14 сентября 1921 г. было провозглашено создание независимого монгольского государства, а 5 ноября было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии», в котором, однако, ничего не говорилось о международном статусе Внешней Монголии, её отношениях с Китаем и статусе Урянхайского края [19. С. 121].

Прибывшему в Пекин А.А. Иоффе была известна позиция руководства страны по Монголии. Ещё в сентябре 1921 г. НКВД констатировал: «Создание автономной Монголии, дружественной Советской России и опирающейся на неё, крайне полезно в интересах безопасности Сибири и ДВР. Громадную границу между Сибирью и ДВР, с одной стороны, и Монголией, с другой, трудно защищать против враждебного соседа. Если бы Унгерну удалось превратить Монголию в белогвардейское гнездо, железнодорожная связь между Россией и Дальним Востоком подвергалась бы постоянной опасности» [19. С. 115].

Самому А.А. Иоффе Политбюро давало следующие инструкции: «...вопросы об её государственно-правовом положении и выводе войск из Монголии должны быть решены соглашением России, Китая и Монголии. При решении этого вопроса недопустимо устранение самой Монголии. Это не противоречит тому, что мы признаем суверенитет Китая над Монголией» [1. С. 109]. Но все политические силы тогдашнего Китая, включая Гомиьндан, выступали за сохранение Внешней Монголии в составе Китая, против участия монгольской стороны на русско-китайской конференции. Сунь Ятсен в беседе с С.А. Далиным подчеркивал: «Монголия является неотъемлемой частью Китая» [16. С. 118]. По мнению А.А. Иоффе, необходимо было под-

держат Китай в этом, учитывая его огромный «революционный» потенциал. В письме Г.В.Чичерину (для Сталина) он утверждал: «Вряд ли из-за двух миллионов монголов, не имеющих никакого значения в мире, стоит портить отношения и всю политику с четырьмястами миллионов китайцев, играющих такую огромную роль» [1. С. 138]. В другом письме в Москву А.А. Иоффе писал: «Отказ от Монголии пойдет на пользу революционному движению в Китае, а в конечном счете мировой революции» [20. С. 80].

Напрасно Г.В. Чичерин пытался переубедить А.А. Иоффе, доказывая, что освободительное движение монголов «революционно», а политика правительства Пекина «реакционна», что граница в Сибири будет в безопасности, «будучи прикрыта дружественной Монголией», А.А. Иоффе оставался при своем мнении: «Я никак не могу понять, что Монголия одна из важнейших приобретенных нами позиций... По-моему, Монголия одна из наших случайных ошибок, как Савбухара или Хорезм, которые в свое время были очень важны, а теперь опасны и вредны» [21. С. 75].

Позиция А.А. Иоффе была отвергнута Москвой. В советско-китайском договоре от 31 мая 1924 г. фиксировался суверенитет Китая над Монголией, но уже 13 июня 1924 г. бы объявлено о ликвидации в Монголии теократического строя и провозглашено создание Монгольской Народной республики. В марте 1925 г. советские войска покинули территорию Монголии.

В тесной связи с проблемой Монголии решался вопрос о судьбе Урянхайского края (нынешняя Тыва). Ещё в 1914 г. Россия установила свой протекторат над этим краем. Гражданская война в Сибири привела к отступлению в эти районы и белых, и красных. Здесь побывали отряды Р.Ф. Унгерна и А.С. Бакича. Были здесь войска китайцев и монгол. Урянхайский край оказался в центре борьбы Советской России, Китая и Монголии.

Современные авторы пишут: «...в 1920–1921 гг. Монголия и Китай предприняли решительные действия по захвату Тувы и изгнанию российской власти и российского населения региона... Однако по всем направлениям Пекин и Урга потерпели неудачу» [22. С. 213]. В ходе решения этой проблемы выявились разногласия между Москвой и сибирскими большевиками, 2 марта 1921 г. И.Н. Смирнов и Б.З. Шумяцкий направили Г.В. Чичерину письмо, в котором утверждали: «Полагали бы необходимым, чтобы независимая Монголия включала в свой состав и Урянхайский край» [22. С. 216]. НКВД не поддержал такой подход. Но Сиббюро настаивало на своем мнении: «Урянхай должен входить на широких автономных началах в состав Монголии» [22. С. 230]. Летом 1921 г. Красная Армия изгнала из Урянхия китайцев и белогвардейцев. 13 августа 1921 г. на Всетувинском хурале было провозглашено создание Тувинской Народной республики. Между ТНР и РСФСР был заключен военно-политический союз.

Пожалуй, самой сложной проблемой в советско-китайских отношениях первой половины 1920-х гг. была проблема КВЖД. После Октябрьской революции советские власти устранили Д.Л. Хорвата с поста управляющего КВЖД, но не смогли установить свой контроль над зоной КВЖД, где проживало около 400 тыс. русских. Туда были введены китайские войска. Правда, эти действия были встречены настороженно державами, которые не хотели создавать прецедент захвата Китаем иностранной собственности.

Хотя Советское правительство исходило из того факта, что договор 1896 г. сохраняет силу, разброс мнений по вопросу КВЖД и в Москве, и в ДВР был значительным. В марте 1921 г. министр иностранных дел ДВР И.Л. Юрин констатировал: «В вопросе о К.-В. ж.д. существует полный сумбур» [14. С. 54].

Предполагалось, что переговоры по всему комплексу проблем советско-китайских отношений будет вести советская делегация во главе с А.Ж. Пайкесом, прибывшая в Пекин в декабре 1921 г. Инструктируя А.К. Пайкеса, Г.В. Чичерин подчеркивал: «Мы говорим о китайском владении. Мы уступаем желдорогу в полное владение Китаю, но условием ставим такое управление, которое... давало бы нам нужную гарантию. Итак, идет речь только о смешанном управлении при юридическом признании китайского владения» [1. С. 66]. Начать переговоры с Китаем по этому и другим вопросам А.К. Пайкесу не удалось, его миссия закончилась неудачей.

Новый поворот событий, связанных с судьбой КВЖД, последовал за окончанием работы Вашингтонской конференции и выводом японских войск из Приморья. В постановлении Дальбюро ЦК РКП(б) от 25 октября 1922 г. проблема КВЖД ставится более жестко. В нем, в частности, говорилось: с занятием нами Приморья «КВЖД приобретает для нас особый интерес, как единственный путь нашей связи с Приморьем и выхода к морю для Дальнего Востока и Сибири. Поэтому следует добиваться такой обстановки, которая дала бы нам возможность в ближайшее время фактически осуществить наше экономическое и политическое овладение дорогой и полосой отчуждения» [18. С. 357].

Все это практически совпало с началом работы в Китае второй миссии, возглавляемой А.А. Иоффе. В конце 1922 г. начались переговоры и по проблеме КВЖД. Китайская сторона настаивала на безвозмездной передаче этой дороги. Опубликованные документы внутренней переписки НКВД дают возможность проследить столкновение «революционного» подхода А.А. Иоффе, с одной стороны, и позиции, представленной Г.В. Чичериным и Д.М. Караханом, с другой. Уже 1 ноября 1922 г. А.А. Иоффе предлагает сделать заявление, что КВЖД принадлежит Китаю. В ответ Политбюро поручает Г.В. Чичерину «дать телеграмму т. Иоффе о приостановке всяких шагов, способных уменьшить права РСФСР по отношению к этой дороге». 13 ноября 1922 г. Коллегия НКВД принимает решение, в котором говорится: «Ввиду постановлений Вашингтонской конференции, признавшей КВЖД собственностью России... Россия сохраняет за собой собственность КВЖД» [21. С. 77].

Тогда же, в ноябре 1922 г., Г.В. Чичерин, разъясняя ситуацию, писал А.А. Иоффе: «Никаких уступок мы не должны делать и по вопросу о КВЖД. Вы сами указываете, что японцы усиливают Северную Маньчжурию и снабжают скопившихся там белогвардейцев оружием и средствами. Очищая Приморье, японцы укрепляются в Маньчжурии... Мы признаем теоретически собственность китайского народа на КВЖД, но безусловно требуем себе права военных гарнизонов и управления КВЖД посредством смешанной комиссии. Мы заняты суровой борьбой с реальностью. Передать КВЖД Китаю – значит передать её японцам и белогвардейцам» [16. С. 121]. Но А.А. Иоффе продолжал придерживаться своей точки зрения. Он телеграфировал в Моск-

ву: «В вопросе КВЖД я считаю империализмом требование права собственности на дорогу» [14. С. 125].

В эти же дни он направил большое, объемом 30 страниц, письмо Л.Д. Троцкому, в котором жаловался на недоверие ему со стороны ЦК партии, что ему мешают работать в Китае. 20 января 1923 г. Л.Д. Троцкий ответил А.А. Иоффе, что тот преувеличивает критику в свой адрес: «Общие Ваши тезисы Политбюро одобрило». Далее он подробно разъяснял своему соратнику ситуацию с «империализмом» в советской политике в Китае: «Мне не ясно, почему, собственно, отказ от империализма предполагает отказ от наших имущественных прав... Почему китайский крестьянин должен иметь дорогу за счет русского крестьянина». Касаясь предложения А.А. Иоффе предоставить Китаю заем в 40–50 млн золотых рублей для поддержки его борьбы против «империализма», Л.Д. Троцкий подчеркивал: «Россия тоже очень бедная страна и совершенно не в силах оплачивать расположение к ней колониальных и полуколониальных народов материальными жертвами. Та часть симпатий, которая приобретает материальными подачками, очень неустойчива, ибо враги наши могут давать гораздо большие подачки... Это мы видим отчасти на примере Турции... В центре нами делается немало ошибок, в особенности на Востоке. Но в общем, все же другая политика вряд ли возможна» [1. С. 183–184]. Но А.А. Иоффе упорствовал в своем мнении. Он писал в Москву: «Если Политбюро... разделяет точку зрения коллегии НКВД, я этой политики проводить не могу, ибо, во-первых, считаю её ошибочной, во-вторых, во всех выступлениях со дня приезда в Китай заявлял прямо противоположное» [21. С. 79]. Миссия А.А. Иоффе не привела к решению спорных вопросов и урегулированию советско-китайских отношений. 16 июля 1923 г. он был отозван из Токио, где вел переговоры с японскими представителями, и освобожден от обязанностей представителя РСФСР в Китае.

Лишь третья по счету миссия, возглавляемая Л.М. Караханом, прибывшая в Пекин в сентябре 1923 г., смогла добиться подписания договора, урегулировавшего спорные вопросы, включая и проблему КВЖД. Инструкция НКВД сводилась к следующему: «Фактически КВЖД принадлежит России, потому что построена на ее деньги... КВЖД соединяет одну часть России с другой и до тех пор, пока Россия не в силах построить себе новую дорогу на своей территории или привести Амурскую дорогу к тому, чтобы она могла заменить КВЖД, она не сможет отказаться от КВЖД как дороги, являющейся продолжением и частью великого сибирского пути» [16. С. 124–125]. Исходя из этого и действовал Л.М. Карахан.

31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». Соглашение подтверждало, что КВЖД является чисто коммерческим предприятием и будет совместно эксплуатироваться двумя странами. 20 сентября 1924 г. раздел о КВЖД был продублирован в специальном соглашении с правителем Маньчжурии Чжан Цзолином. 3 октября того же года КВЖД перешла под совместное управление СССР и Китая.

В последующие годы СССР не отказывался от своего права собственности на КВЖД. В начале 1926 г., когда в Китае уже бушевала революция, Политбюро отвергло предложение Л.Д. Троцкого сделать заявление о «постоян-

ной готовности» СССР «передать жел. дорогу народному правительству Китая» [23. С. 158].

Менее изучена проблема, связанная со стремлением советской стороны добиться утверждения в Пекине лояльного Советской России правительства. Хотя правительство в Пекине формально считалось «центральным», его реальная власть, как известно, была очень ограниченной. Военный представитель РСФСР в Китае И.А. Геккер писал 20 апреля 1922 г. Л.Д. Троцкому: «Существующее так называемое центральное правительство в Пекине всецело зависит от военных лидеров Северного Китая и играет роль действительного правительства для города Пекина и его окрестностей. Оно в настоящий момент никоим образом не может быть рассматриваемо как единое правительство Китая» [24. С. 112]. При этом вряд ли правомерно рассматривать правительство в Пекине как «законное», глава кабинета и министры менялись в зависимости от того, кто из милитаристов контролировал Пекин. Сохранение такой ситуации в сопредельном государстве было не в интересах Москвы. Многое зависело от случайного фактора – утверждения в Пекине при поддержке враждебной державы того или иного антисоветски настроенного милитариста. Поскольку решающим фактором в китайской политике того времени были вооруженные силы, то вначале пытались опереться на лидера чжилийской группировки генерала У Пэйфу, который весной 1922 г. одержал победу над группировкой Чжан Цзолина, затем на генерала Фэн Юйсяна. В конечном счете ставка была сделана на левые силы в китайском революционном движении – на партию Гоминьдан, возглавляемую Сунь Ятсеном. Уже в январе 1923 г. Политбюро постановило: принять предложение НКВД об одобрении политики т. Иоффе, направленной на всемерную поддержку партии Гоминьдан [1. С. 170].

Во всяком случае, Л.М. Карахан, назначенный главой третьей советской дипломатической делегации, намечая программу своей деятельности, в письме Г.В. Чичерину от 27 августа 1923 г. подчеркивал: «В Китае у нас есть конечная цель и ближайшие задачи. Конечная цель – это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Суном, с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом Гоминдан...» [16. С. 124]. В то же время поддержка Сунь Ятсена во внутривнутриполитической борьбе в Китае не означала отказа от переговоров с существующим правительством в Пекине, которые и были доведены Л.М. Караханом до логического завершения.

В конечном счете советской дипломатии в 1922–1924 гг. не удалось добиться создания в Китае дружественного правительства. Это, очевидно, было невозможно в принципе. Две соседние державы разделяли геополитические противоречия. Менялись в Китае монархический, республиканский, коммунистический режимы, но неизменно сохранялись территориальные притязания к северному соседу. Об этом говорили Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Хотя после Дэн Сяопина никто из китайских руководителей публично не озвучивал эти претензии, это не означает, что их нет [25. С. 182]. Даже в наши дни, пишет А.Б. Лукин, «...позиция официальных китайских историков выражается в том, что в XIX веке Россия захватила значительные китайские территории. Об этом говорится в учебниках, соответствующим образом составляют-

ся географические карты». Даже Курильские острова на китайских картах изображаются как «оккупированная» СССР часть территории Японии [26. С. 101–102],

Подводя итоги всему вышесказанному, можно констатировать следующее: дальневосточная политика РСФСР, а затем и СССР, в 1920–1924 гг. в целом, а также политика в отношении Китая, в частности, определялась в основном государственными интересами, а не интересами мировой революции или заботами о поддержке освободительного движения колониальных народов. Последнее, если и имело место, не являлось решающим фактором, а служило задачам идеологии и пропаганды в контексте борьбы против мирового империализма. Как пишет современный исследователь А.Д. Воскресенский, советское правительство в Китае руководствовалось принципами пролетарского интернационализма, «то есть интересами Советской России» [27. С. 437]. Основные цели, которые стояли тогда перед Советским государством, были достигнуты мирными средствами, путем дипломатических переговоров. Поэтому вполне правомерным было противопоставление, как об этом писал Г.В. Чичерин в одном из своих последних писем И.В. Сталину, «прекрасной политики» в Китае в первой половине 1920-х гг. «колоссальным ошибкам 1927 г.» [28. С. 14]. Но это последнее уже выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

1. *ВКП(б)*, Коминтерн и национальное революционное движение в Китае: документы. М., 1994. Т. 6. 1920–1925.
2. *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.
3. *Мировая политика и международные отношения* / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб., 2008.
4. *Сидоров А.Ю., Клеймёнова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1989. М., 2008.
5. *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004.
6. *Нарочницкая Н.А.* Историческая роль России и СССР в мировой политике XX века // Новая и новейшая история. 1998. № 1.
7. *Вопросы истории.* 2008. № 6.
8. *Горохов В.Н.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2004.
9. *Капченко Н.* Внешнеполитическая концепция Сталина // Международная жизнь. 2005. № 9.
10. *Советская* внешняя политика в ретроспективе. М., 1993.
11. *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. М., 2005.
12. *Фукс М.В.* Роль региональных властных структур во внешней политике Советской России на Дальнем Востоке в первой половине 20-х годов // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1, № 2.
13. *Москва – Токио.* Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931: Сб. документов: В 2 кн. М., 2007. Кн. 1: 1921–1925.
14. *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М., 1997.
15. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
16. *Пескова Г.Н.* Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем в 1917–1924 гг.: на материалах Архива внешней политики России // Новая и новейшая история. 1997. № 4.

17. *Новая и новейшая история*. 1997. № 3.
18. *Дальневосточная политика Советской России (1920–1922)*: Сб. документов. Новосибирск, 1996.
19. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
20. *Лузянин С.* Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2.
21. *Сидоров А.Ю.* Спор между А.А. Иоффе и Г.В. Чичериным о советской политике в Китае // Чичеринские чтения. Российская внешняя политика и международные отношения в XIX–XX вв. Тамбов, 2003.
22. *Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003.
23. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
24. *Исторический архив*. 2006. № 4.
25. *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
26. *Международная жизнь*. 2009. № 11.
27. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. М., 2004.
28. *Новая и новейшая история*. 1994. № 2.